

О ЕСЕНИНЕ

Оригинал здесь: [О стихах и поэтах](#).

На столе у меня лежит книжка: "Сергей Есенин. Стихи и поэмы". Надо бы сказать: "Избранные стихи и поэмы", потому что сюда вошло сравнительно лишь небольшое из написанного Есениным. Однако же -- как характерно сейчас появление этого томика и как выразительно все в нем: состав, предисловие, даже объем, даже внешний вид!

В книжке всего 228 страниц небольшого, почти карманного формата. Издание самое скромное. Бумага тонкая, чтобы томик вышел не толст; переплёт коричнево-серый, мышиного цвета, и на нем всего только монограмма: С.Е. На коленкорovém корешке -- полнее: "Сергей Есенин". И ничего больше. Какая разница по сравнению с теми изданиями, которые выходили при жизни Есенина и в первые месяцы после его смерти! Вся книжка словно старается не бросаться в глаза, пройти стороной, проскользнуть незаметно в карман читателя... У нее есть к тому основания.

Самоубийство Есенина так очевидно связано было с его разочарованием в большевицкой революции нашло такой сильный отклик в кругах комсомола и рабочей интеллигенции, что начальство встревожилось и велело немедленно "прекратить есенинщину". Бесчисленные портреты Есенина, портреты его родных, знакомых и просто односельчан, виды деревни, где родился, и дома, в котором он вырос, бесчисленные воспоминания о нем и статьи о его поэзии -- все это разом, точно по волшебству, исчезло из советских газет и журналов. Зато появилось несколько статей, разъясняющих заблуждения Есенина и его несозвучность эпохе. Потом о Есенине замолчали вовсе. Само имя его почти перестало упоминаться. Распродав (а может быть, и припрятав) сочинения Есенина, Госиздат новых изданий уже не печатал. Запретить Есенина было слишком неловко -- его приглушили.

Став полузапретным, Есенин, однако же, не стал забвенным. Его помнят и тайно любят в России по сию пору. Издавать Есенина там сейчас дело не то чтобы нелегальное, но все же и не похвальное. Книжка, о которой идет речь, выпущена частным издательством. Психология издателей отразилась на ее внешности. Она вышла потому, что отвечает читательскому спросу. Но она старается не слишком бросаться в глаза, потому что и спрос этот -- полузапретный.

Полузапретных книг много в СССР: это как раз те самые, которые читаются наиболее охотно. Они появляются не иначе, как с казенными предисловиями, в которых изобличаются заблуждения авторов. Предисловий этих никто, разумеется, всерьез не принимает, но они делают свое дело: во-первых, играют роль фигового листа, во-вторых -- приносят доход авторам-коммунистам. Это род косвенного налога или акцизного сбора: хочешь издать или прочитать не казенную книгу -- уплати пошлину. Авторы предисловий суть служилые люди подсоветской Руси, кормящиеся за счет населения.

"Есенин не нашел в себе силы разлюбить то, что наш век велел ненавидеть... В свете грандиозных сдвигов последних лет, определивших путь крестьянского хозяйства к социализму на основе сплошной коллективизации, явственно обнаруживаются реакционные корни есенинского творчества. Теперь совершенно очевидна та нелепость скороспелых попыток объявить Есенина после его смерти "национальным" и "подлинно крестьянским" поэтом. Место Есенина не в нашей эпохе, а позади ее".

Так сказано в предисловии. Объяснять трагедию Есенина тем, что он не предвидел и не оценил благ "сплошной коллективизации", есть, разумеется, лживая ерунда, порождение тупости и лакейства. Но что касается "несозвучности" Есенина советской эпохе -- тут автор предисловия прав: тут он заметил то, что все знают и без него. Именно "несозвучность" и определила всю драму Есенина. Он уверовал в революцию, увидел в ней правду или, по крайней мере, путь к правде, связал себя с ней неразрывно -- и, наконец, в ней разочаровался.

Друг мой, друг мой! Прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

Когда Есенин прозрел, ему осталось лишь умереть. Его смерть потрясла великое множество людей (особенно молодежи), переживавших в ту самую пору приблизительно то же, что пережил Есенин. Как я говорил, правительству это потрясение показалось опасным, оно наложило на память Есенина род запрета -- и с точки зрения своих интересов было в значительной мере право.